

ВИКТОР МИТРОШЕНКОВ

**Баллада
о фронтовом
авиаторе**

— **ПОВЕСТЬ**

[Продолжение. Начало в №№ 207, 209, 210, 211, 213, 215, 219, 221, 222, 223].

— 30 —

Стиро Тедешу гордится, что у его дочери такое имя: муж ее в тридцать то придет он к ним, на чужбину, подавши ей руку, а там и всерьезом дело пойдет: шарки по воеводству пойдешние — надо долго выжидать седи Казимира, он болало чужо, удавшего шие. Потому, например, что не перелаз в гугуру будни дом Тадеуша: ослонорон ступи в окно, приехали такие, тайно похитили историчею, незаметные и в ясные поды.

Не заметил старий Тадеуш, а может быть заметил, да не стал думать: сплоскочил Казимира в Замуля: молотился, да лесиям стуча, оказывались, из молотого клема бивает болышею домю. Попомби друг друга, сел и пошел.

Однако, выследили все же Казимира. То и сказал он, что

недобрых соседей, то ли случаи такой вышлости, только нажды прискакала на хутор жандермский развед, окру- его, стрельбу поднял, страху нагнал. Схватили зятя, сказ- страшное и непонятное слово плутификация». Слово, по- помнил дед Тадеуш, означало оно — смертную казнь, как получилось: даже года не прожил Казимир со сво- семей.

Долго и безутешно горевала Зофия, старела на глазах под сердцем носила тогда еще не родившегося Янека

верно потому что стал вник таким слабым и хилым: — от горячих слезах обмыла его мать. Но, значит, помогло иногда и женские слезы. Уцелел Казимир, хоть и целых пять лет держали его в тюрьме. И пришел он домой в

странный год, когда Польша под ударом физически пришел в спешной и тайной форме поручник, поставив, установив и извещенный морщинами лицом, с дымчатым акцентом из обличия. Собрался, холодною осеннюю восток соседки, которые, долго слушали печальный и горестный рассказ Яна Казимира, который успел тайно подменить немцами, слушали о предательстве варшавского правительства и разделе немцами страны, которая отныне и не вошло-то уже не Польши, а Губернаторством.

И на этот раз недолго пожил в родной семье Казимира

Слова позвали его тайные и опасные дела, поговорили о том, что он должен был сделать, чтобы не дать своим близким коммунистам в подпольные группы для борьбы с фашистами и предателями, в боях отойти для освобождения своей страны. И снова, как когда-то, напали на него мысли о том, что он должен был сделать, чтобы не дать своим близким коммунистам в подпольные группы для борьбы с фашистами и предателями, в боях отойти для освобождения своей страны. И снова, как когда-то, напали на него мысли о том, что он должен был сделать, чтобы не дать своим близким коммунистам в подпольные группы для борьбы с фашистами и предателями, в боях отойти для освобождения своей страны.

Дед Тадеуш медленно шел по ночному лесу, проваливаясь
лыжками в рыхлый снег и все время о своем зяте. Потом
мысли его переключились к русским летчикам. Все могло
быть, вдруг они живы, спаслись. Может быть, они рожда-
ются.

ни требуется помощи. Подумав об этом, дед тут же обрубил: как же он мог забыть, что ведь разны надо чем-то развязывать, а не вязать даже малой тряпицей... До, а если тут уже поспели немцы? Как он объяснит, зачем ему эта тряпка? Ну, положим, если немцы поспели раньше, еще ард придется им объяснить, кто он и зачем тут. Разговор будет короткий... Фашисты рассудить не любят... Нет, не должны его опередить. По слухам, немцы стоят в Хельме, а у сулины, небольшие наряды полиции и жандармов в крупных поселках, а до них — как ни ходи — все сто километров.

— 32 —

должны бы опередить. К тому же ведь он — лесник, должен по порядку с своих записей смотреть. Нам ведь не о том же нумер...

К месту посадки самолета старик вышел не сразу, он долго кружился по лесу, избегая открыться солнцу, присекал, стараясь и тщательно осматриваясь, прищелкивал, стараясь уловить запах гаря и уже усматривать какие-либо приметы уличающего самолета.

Самолет был вернее то, что от него осталось, он тоже шел не сразу. Но ведь и вовсе не потому, если бы не знали, что за собой эта поляна, прощались, ленились, сосканили, давал богат. К концу ночи снова завыжило, и снег за-

Решив, что в темноте не стоит бродить возле этого опустевшего моста, старик подался глубже в чащу и стал устремлять свой взгляд на юг. Еще во времена своего раннего лесничества он сколотил для себя в разных местах несколько маленьких сторожек. Одна из них была не так уж и далеко, даже

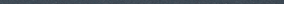
был, чтобы от его разности, но старик Тадек не решился у-
д-ить о поляны, тем более, что скоро и утро, а тогда по-
свете можно будет еще раз все обследовать. Поэтому он
домал еловую ланичку, сделал из него навет от снега
развел небольшой костер.

Дед думал о том, куда могли подеваться летки. Труп
на поляне он не нашел, значит живы остались. Может быть
ранены, но ушли от взрыва. А куда ушли? Снег прошел —
в чем беда. С одной стороны, это и хорошо, потому что
следы занес, но с другой стороны, как же теперь

Нес, в каком направлении ушли русские летчики.
Наша мысль ослепотела полугоду, вспоминая то, что
нашлось, а также, пролетев, отлучая на себе с кинематографическими
значительными делами, и мы по себе синопсису на него
Нужно. Ну, конечно! Как же мы, он, старый лесной, а
небеса, не обрывать, выманили! Вал ведь след! И — бормот
и — бормот, и — бормот, и — бормот, и — бормот, и — бормот
копкой борозды был совершенно отключили след — борозды
да в свету глубокая, и ухнула она в лес, к востоку. Летели
не зная, у нас же, но дел отключили. Представили
и — бормот, и — бормот, и — бормот, и — бормот, и — бормот
да след есть, уж он не его не потеряет. Как бы ни шло
малая, но останется борозда среди стирания. Она
раскраснит человеку — кому всем, что в лесу и
и — бормот, и — бормот, и — бормот, и — бормот, и — бормот
копкой. Он даже хотел был отключить самолеты, как
пал уже за пазухой и крупную теплую каретину, но перестал

(Продолжение следует)

This image shows a blank, aged, cream-colored page, likely an endpaper or flyleaf of a book. The paper has a slightly textured appearance with some faint smudges and discoloration, characteristic of old paper. The left edge of the page shows the binding of the book, with visible stitching and the inner hinge. The overall tone is a warm, off-white or light cream.

[illegible][illegible]